

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

THEORY AND HISTORY OF LAW ENFORCEMENT

УДК 340

DOI 10.24147/2542-1514.2019.3(2).5-13

КРИТЕРИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВА

В.А. Рыбаков

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

18 февраля 2019 г.

Дата принятия в печать –

25 мая 2019 г.

Дата онлайн-размещения –

12 сентября 2019 г.

Устанавливаются показатели, на основе которых можно оценить эффективность права. Анализируются критерии эффективности норм права: частота применения законов, мера конфликтности регулируемых данной нормой общественных отношений, пропорциональное отношение числа фактов правомерного поведения к числу случаев неправомерного поведения. Предложена формула эффективности права как дельта состояния правоотношений на текущую дату и исходных правоотношений, измеряемая числом нарушений и удовлетворенных исковых заявлений и жалоб.

Ключевые слова

Право, эффективность права, цель правового регулирования, формула эффективности права, целевой критерий эффективности, действие нормы права, правоприменение, правомерное поведение

CRITERIA FOR DETERMINING THE EFFECTIVENESS OF THE LAW

Vladimir A. Rybakov

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Article info

Received –

2019 February 18

Accepted –

2019 May 25

Available online –

2019 September 12

The subject of the article concerns the assessment of the effectiveness of law.

The purpose of the article is to identify indicators that reflect the effectiveness of the law.

The methodology of the research includes complex analysis of scientific legal literature, synthesis of ideas as well as formal-legal method of interpretation of legal acts.

The main results and scope of their application. More than 2500 existing normative legal acts of the Russian Federation contain various requirements for improving the efficiency of legal regulation. The complexity of the study is caused by the lack of a common understanding of the phenomenon. The effectiveness of the law is often understood by many authors as the ability to influence public relations in a certain direction useful for society; or as the ability to influence positively on social relations at the lowest cost; or as fundamental feasibility, predetermined by common knowledge, clarity and consistency of legal norms; the correspondence between the objectives of the legislator and development of social relations. An indicator of the effectiveness of legislation is a criterion for determining the degree of achievement of the goals and objectives of legal regulation. The indicators that are offered by scientists for assessment the effectiveness of law, has logical defects. These indicators are frequency of application of laws that are estimated for the effectiveness (I.S. Samoshchenko, V.I. Nikitinsky, A.B. Vengerov); measure of conflict regulated by this norm of social relations (V.V. Lapaeva); proportional ratio of the number of facts of lawful behavior to the number of cases of illegal behavior (T. Geiger and E. Hirsch), etc.

Conclusions. The following formula can be proposed to determine the effectiveness of the law: effectiveness = LR2 – LR1, where: LR1 – initial legal relations, and LR2 – the state of legal relations on the current date. Effectiveness can be measured in this formula in a number of violations and satisfied claims and complaints. There is no direct connection with the

Keywords

Law, efficiency of law, purpose of legal regulation, formula of efficiency, target criterion of efficiency of law, action of legal rule, law enforcement, lawful behavior

goal of legal regulation in this formula but it is possible, to trace the dynamics of the effectiveness of law with this formula by using statistics data.

1. Введение

Эффективность правовых норм традиционно относится к актуальным проблемам юридической науки. Проблема эффективности норм права в литературе характеризуется как «высшей степени трудности» и является одной из центральных в российской юридической науке [1, с. 114].

«Эффективность правового регулирования общественных отношений представляет собой вечную проблему теории права, которой занимаются ученые с момента появления юридической науки и будут, – считает Г.П. Толстопятенко, – решать вплоть до исчезновения права...» [2, с. 246].

Термин «эффективность права» широко употребляется как в юридической литературе, так и в нормативных актах. Более 2500 действующих нормативных правовых актов Российской Федерации содержат различные предписания, касающиеся повышения эффективности правового регулирования [3].

Но единого подхода к определению понятия «эффективность правовых норм» нет. Она понимается как:

– результативность правового инструментария, его способность производить необходимый эффект в общественной жизни [4, с. 151];

– степень достижения правовых целей действующего законодательства в различных сферах правовой регуляции [5, с. 210];

– «способность оказывать влияние на общественные отношения в определенном полезном для общества направлении» [6, с. 3];

– способность с наименьшими издержками воздействовать положительно на общественные отношения [7, с. 26].

Широко распространено понимание эффективности норм права как достижение целей права, соответствие между целями законодателя и реально наступившими результатами [8, с. 22; 9, с. 44].

Вариативность трактовки эффективности права существенно затрудняет определение важнейшего аспекта эффективности – ее измерения, – что является и средством оценивания эффективности функционирования государства, реализующего политику в области правового регулирования.

2. Критерии эффективности норм права

Уровню эффективности юридических норм не может быть дана оценка без выделения критериев эффективности и соответствующих им показателей.

Представляется, что в качестве критерия эффективности норм права выступают цели их реализации. Безусловно, цели предполагают долгосрочное воплощение в перспективе и несравнимо большую масштабность, нежели задачи. Ввиду этого, по всей видимости, неприемлемо осуществлять оценку эффективности юридических норм в абсолютном значении: в подобном ключе можно разве что рассуждать об утратившем силу, прекратившем действие законе. В силу вышеозначенного таковая оценка должна производиться не путем констатации факта достижения или недостижения правовой нормой или законодательным актом своей конечной цели, а посредством обнаружения и обозначения степени, этапа ее достижения по состоянию на момент оценивания. Сама же цель действия правовой нормы должна являться мерилем, по отношению к которому выявляется описанный сравнительный параметр.

В то же время под показателем эффективности законодательства следует понимать то средство определения, применяя которое наблюдатель получает возможность судить об эффективности, т. е. о соответствии критериям, степени достижения целей и задач.

Поиск показателей эффективности норм права и законодательных актов, законодательства в целом является в известной степени проблемным. Это обусловлено разнохарактерностью общественных отношений, регулируемых нормами различных отраслей права, нормативными актами отдельных отраслей законодательства. Ввиду этого представляется неизбежной постановка задачи выработки индивидуальных показателей эффективности. Тем не менее очевидно наличие универсальных показателей, которые в равной степени допустимо применять в оценке эффективности реализации абсолютного большинства нормативных правовых актов. К ним относятся статистические, абсолютные и сопоставительные, финансовые и экономические показатели и др. Благодаря применению этих показателей достигается понимание сущности явлений, их оценка, вследствие чего наблюдатель может сделать объективный вывод. В конце концов, благодаря применению этих показателей в праве появляется возможность составить представление о наблюдаемой правовой реальности.

В литературе предложено несколько критериев (формул) определения эффективности. Наиболее распространенным считается определение эффективности через соотношение между поставленной целью и полученным результатом. Из такого понимания эффективности правовых норм логически следует, что критерием ее является цель, для достижения которой была создана норма. Несмотря на его распространенность подход подвергся критике по нескольким основаниям.

А.С. Пашков и Л.С. Явич отмечали, что целевой момент, как необходимо включающий элемент субъективного отражения действительности, не может быть основным и объективным во всех случаях критерием эффективной правовой нормы. Не всякое действие нормы приводит к социальной эффективности, которая предполагает достижение объективно необходимого и социально полезного результата. Такой результат может иметь место лишь тогда, когда сама цель нормы правильно отражает объективные закономерности развития общества. Если цель нормы определена неправильно, то ее достижение вовсе не будет свидетельствовать о социальной эффективности действия правовой нормы.

Далее, отношение результата к цели не является единственным показателем эффективности правовой нормы и потому, что бывает ситуация, при которой данная цель достигается вне непосредственной связи с действием изучаемой нормы. В таком случае мы сталкиваемся с явно мнимой эффективностью нормы [10, с. 41].

Отрицается его использование применительно к санкции. Понимание эффективности наказания как достижения его целей, писал И.В. Шмаров, упрощает существо вопроса, так как не учитывает, насколько оптимально, надежно, с затратой каких средств человеческой энергии и времени они достигнуты [11, с. 57, 59].

Л.И. Спиридонов утверждал, что целевой критерий эффективности права неоправданно ограничивает ее только правотворческой деятельностью государства. Согласно этой схеме правотворческий орган, выявив социальную проблему и поставив цель решить ее юридическими средствами, издает норму права, которая заставляет людей совершать поступки, на которые рассчитывал законодатель. Но, во-первых, ни один законодатель не способен дать полный и точный анализ общественных процессов и сформулировать конкретные цели, которые можно разрешить посредством принятия юридических норм: даже когда общество ставит перед собой

определенные задачи, они оказываются чрезмерно абстрактными.

Во-вторых, проблема эффективности закона оказывается тождественной проблеме эффективности правовой санкции, поскольку наказание — единственное средство, которым пользуется сам законодатель для поддержания авторитета своих требований. В реальности же действие правовых запретов опосредуется системами социальных, личностных, социально-психологических и целого ряда других факторов [12, с. 214–215].

С.А. Жинкин недостатком данного подхода считает то, что цели законодателя при этом трактуются как некий абсолютный и находящийся вне критики идеал, к которому необходимо стремиться. Достижение каких бы то ни было целей, поставленных законодателем, будет в таком случае абсолютным показателем того, что право как социальный регулятор и его конкретные нормы эффективны, независимо от конкретного их характера, будь они прямыми или косвенными, близкими или отдаленными [13].

В.В. Лапаева полагает, что в современных условиях, «когда задача правового регулирования видится уже не в достижении заданных сверху целей, а в выражении и согласовании социальных интересов, способствующих нормальному, свободному развитию общественных отношений, должны быть соответствующим образом пересмотрены и положения теории эффективности законодательства. Было бы неверно продолжать трактовать эффективность закона как соотношение между результатом действия нормы и предписанными ей неправовыми (экономическими, политическими, идеологическими и т. д.) целями» [14, с. 215–216].

Высказанные критические замечания не должны исключать цель из критериев эффективности права. Социальные и юридические явления связаны между собой отношениями «средство – цель». Цель – это категория, обозначающая заранее мыслимый результат сознательной деятельности человека, общества в целом. Добиваясь осуществления поставленных целей, человек прибегает к выбору необходимых средств. Этот критерий дает возможность определять социальную результативность правовой нормы (института, отрасли права, правомерного поведения).

Роль и значение его весьма высоки. Во-первых, цель является мерилем эффективности. Степень достижения поставленной цели определяет и степень эффективности юридической нормы, правового регулирования в общем, позволяет определить процент

эффективности: 50, 70, 90 % – и, соответственно, и ее уровни. Цель определяет степень эффективности права. Исходя из достигнутого результата, она может быть обозначена как неэффективная, малоэффективная, среднеэффективная, высокоэффективная.

Во-вторых, цели определяют уровни и виды эффективности права. Они закрепляются в системе права и составляющих ее элементов: в отдельных отраслях, институтах права и правовых нормах [15]. Цель права – обеспечение порядка в обществе; отрасли права – упорядочение однородных общественных отношений; отдельной нормы права – формирование мотива правомерного поведения в сознании участников правоотношений и само правомерное поведение.

Цель позволяет различать потенциальную (прогнозируемую) эффективность и реальную (фактическую). Такое разграничение позволит более четко выяснить причины недостаточной эффективности норм законодательства.

В-третьих, сама постановка цели может играть роль буквального средства регуляции общественных отношений, выполняя при этом еще и ориентирующую роль, а также быть средством позитивной мотивации поведения людей.

В этом отношении заслуживает внимания предложение В.В. Лапаевой заменить цель социальную, внешнюю по отношению к праву, на имманентную ему правовую цель [14, с. 215–216].

К сожалению, законодатель далеко не всегда, принимая нормативно-правовой акт, точно и конкретно формулирует цели правового регулирования той или иной области общественных отношений. Это порождает необходимость их корректировки в дальнейшем, соответственно – и законодательства. В некоторых случаях законодатель сознательно скрывает их.

Содержание цели может не отражать интересы населения. В качестве примера можно привести принятый несколько лет назад так называемый «закон Димы Яковлева», получивший далеко не однозначную оценку в российском обществе. Его цель не определена даже в пояснительной записке, несмотря на то, что в средствах массовой информации цель его принятия озвучивалась как авторами этого закона, так и его официальными комментаторами. То есть законодатель либо не смог четко сформулировать цель принятия этого закона, либо сознательно скрыл ее, что позволяет вести речь не только о его непопулярности, но и о социальной неэффективности.

Верное в сущности положение требует дополнения – учета затрат, необходимых для достижения положительного результата. Речь идет о затратной эффективности, способности права с наименьшими издержками воздействовать положительно на общественные отношения.

С точки зрения общей теории эффективности никакой результат не может быть получен без осуществления каких-либо затрат, поэтому результат всегда представляет собой реализованные затраты. Они позволяют учесть «стоимость» полученных эффектов. При этом затраты трактуются в самом широком смысле: и как использование определенных средств, и как расходование материального и духовного труда вообще, и как нежелательные и отрицательные эффекты издания законодательного акта, ожидаемые или непредвиденные.

Кроме целевого критерия называется и ряд других. И.С. Самощенко, В.И. Никитинский, А.Б. Венгеров предлагали использовать показатель частоты применения оцениваемых законов [16].

Численные показатели служат своего рода индикаторами эффективности. Например, по числу аварий можно в определенной степени судить об эффективности правил дорожного движения.

В.В. Лапаева к критериям относит меру конфликтности. Она утверждает, что эффективность права тесно связана со степенью сбалансированности групповых и индивидуальных интересов и может рассматриваться как способность существующей правовой системы эффективно разрешать назревающие конфликты и тем самым снижать общий уровень конфликтности социальных отношений: «Эмпирически индикатором эффективности норм законодательства мог бы служить такой правовой по своей сути показатель, как мера конфликтности урегулированных данной нормой общественных отношений. Ведь право – это прежде всего важнейшее средство объективного, обще справедливое для конфликтующих сторон разрешения социальных конфликтов, способ обеспечения устойчивости общественной системы, ее интеграции в качестве единого целого» [14, с. 215–216].

Т. Гейгер и Э. Гирш оценивают эффективность правовой нормы через пропорциональное отношение количества фактов правомерного поведения к числу случаев противоправного (см.: [17]). Согласно такому подходу получается, что эффективность нормы определяется исключительно ее влиянием на правовое поведение граждан. Данный подход нере-

ален, так как нельзя определить количество правомерного поведения, а противоправное не всегда регистрируется.

В.М. Баранов критерием эффективности нормы права считает свойство, выражающее меру ее способности своевременно при определенных социальных затратах вызывать достижение научно обоснованного положительного результата [18]. Но остается открытым вопрос, что такое мера способности нормы права и как ее определить.

3. Формулы эффективности права

В.В. Лунеев эффективность уголовных норм права выражает в виде математической модели:

$$A = B / C,$$

где A – эффективность; B – достигнутый социальный результат; C – социально-криминологическая модель, для достижения которой была принята та или иная норма. Соответственно, если $A \leq 1$, то эффективность находится на вполне приемлемом уровне [19].

А.С. Мордовец предлагает следующую формулу эффективности: «разумная цель + законные средства = оптимальный результат» [20]. Разумная цель – это гармония интересов людей, а нормативное закрепление обязанностей правового, социального государства – служить интересам человека и общества; законные средства – это антиподы беспорядка, безответственности, предотвращения круговой поруки, потерь нравственных убеждений; оптимальные результаты есть следствие слагаемых «разумных целей» и «законных средств». Предложенная формула привлекательна, но она пронизана духом идеализма.

Т.Я. Хабриева утверждает, что «основным принципом оценки эффективности правовой нормы является не столько социальный эффект данной нормы, сколько удовлетворение частного интереса, присутствующего в правовых формах, используемых для достижения социальной цели». Автор также полагает, что «нормативно-правовой акт соответствует критерию полезности, если он улучшает положение хотя бы одного субъекта частного права» [21, с. 22].

Во-первых, частный интерес не может присутствовать в правовой норме. Он присутствует в сознании субъекта экономической деятельности. Правовая норма устанавливает рамки его реализации.

Во-вторых, если правовые нормы удовлетворяют таковой интерес только одного субъекта частного права, скажем, предпринимателя, то это прямой путь к незаконной монополизации и незаконной конкуренции, которые, с точки зрения классиче-

ской рыночной экономики, являются главными негативными институтами, не позволяющими ей эффективно развиваться.

В.П. Казимирчук связывал эффективность права с отражением экономических, политических и духовных потребностей и интересов классов и общества в целом, направленностью на охрану прав и свобод личности [22].

Для вычисления эффективности правовой нормы В.И. Никитинский, И.С. Самощенко, В.В. Глазырин предложили следующую формулу:

$$C = (A - B) / K,$$

где C – показатель эффективности правовой нормы; A – результат действия нормы; B – первоначальное состояние; K – произведенные затраты [8, с. 61].

При этом исследователи полагали, что также важна социальная ценность, полезность полученного результата, которую как раз характеризует соотношение экономической составляющей результата с величиной произведенных затрат. Сравнение должно производиться для сопоставимых показателей. Таким образом, основу для оценки эффективности действия правовой нормы составляет не абсолютная ценность полученного результата и не абсолютная величина произведенных затрат, а их соотношение.

Д.Ю. Тарасов, сделав справедливое замечание об отсутствии этого показателя в формуле, дополнил ее:

$$C = (A - B) / (K + M),$$

где M – социальная ценность результата [23].

Методика здесь гораздо сложнее, чем при оценке формальной эффективности реализации норм права, так как в данном случае надо анализировать как пользу, приносимую обществу применением данной нормы права, так и вред, в случае если она не была реализована.

У М.Ю. Осипова иной взгляд. Для оценки эффективности реализуемых норм права он предлагает «разделить число случаев, когда норма права не была реализована, на общее число рассмотренных случаев и полученный результат вычесть из единицы» [24, с. 86]. Автор делает вывод, что «поскольку максимально возможный эффект состоит в наличии максимальной пользы и отсутствии всякого вреда», социальная эффективность реализации норм права будет определяться как отношение разницы пользы, принесенной обществу реализацией норм права, и вреда, причиненного обществу ее реализацией, к той максимальной пользе, которая

могла бы быть принесена в результате реализации норм права [24, с. 86].

Из всех перечисленных вариантов определения критериев эффективности норм права наиболее приемлемой является формула, включающая три показателя эффективности: соотношение цели, результата и затрат, – но в данном случае к ним следует добавить юридический фактор. Его можно определить как юридическую результативность, связанную с юридическими средствами, т. е. «юридическим инструментарием» – обязательным условием эффективности права. Он обеспечивает реализации норм права.

Эффективность правового регулирования – это результативность правового инструментария, всех юридических средств, используемых в правовом регулировании, – нормативных и правоприменительных актов, его способность производить необходимый эффект в общественной жизни.

Определяя результативность правового регулирования, надо исходить из того, что правовые нормы направлены, во-первых, на закрепление юридическими средствами общественных отношений, уже сложившихся в обществе, во-вторых, на стимулирование дальнейшего развития существующих отношений, в-третьих, на вытеснение социально вредных и опасных связей и отношений.

Закон должен предусматривать уже «в самом себе» четкий механизм реализации декларированных в нем норм, т. е. содержать нормы, которые обращены прямо к государственным и общественным органам, должностным лицам и гражданам, и непосредственно применяться на практике. При этом чем конструктивнее сама идея закона, чем конкретнее и объективнее его законоположения, тем легче такой закон воплощается в жизнь, тем эффективнее действует.

Объявляя саму цель критерием эффективности, нельзя отказываться в этом качестве средствам, которые ведут к данной цели, в силу их диалектического единства и взаимообусловленности. Без средств цели – не реальны, не осуществимы, равно как и при отсутствии целей действительные средства не приводят к положительному результату [25].

Соответствие избранных правовых средств цели – необходимая предпосылка эффективности

правовых норм. Неправильный выбор средств исключает или снижает эффективность правового регулирования, поскольку только неразрывное единство правового регулирования, только неразрывное единство потребности, средств и путей действия образует содержание цели. Именно в средстве реализации та или иная цель получает определенность и конкретность.

Для определения эффективности права можно предложить следующую формулу:

$$\mathcal{E} = PO_2 - PO_1,$$

где PO_1 – исходные правоотношения, а PO_2 – состояние правоотношений на текущую дату. Единицей измерения будем считать количество нарушений и удовлетворенных исковых заявлений и жалоб. При такой формуле нет непосредственной связи с целью, но есть возможность, используя статистические данные, проследить динамику эффективности права. К примеру, в 2018 г. было возбуждено 2,8 млн уголовных дел, а в 2017 г. – 1,7 млн. Наблюдается снижение эффективности уголовного законодательства [26].

Предложенная формула позволяет четко определить реальное положение в определенной сфере общественных отношений. К примеру, за год после принятия нового Кодекса об административных правонарушениях коррупция возросла на 70 %. По данным генпрокурора В. Устинова, были коррумпированы 85 % чиновников государственного аппарата¹.

Число осужденных по экологическим преступлениям исчисляется единицами. Похожая ситуация наблюдалась с применением этих норм и ранее. Так, норма ст. 248 УК РФ² не применяется многие годы. По данным ГИЦ МВД России (форма 1-Г), ни одного преступления не было зарегистрировано в 1998–2000 и в 2009–2012 гг. По ст. 259 УК РФ в 2010 г. зарегистрировано одно преступное деяние, в 2012 г. – два, но в суд ни одного дела направлено не было [27, с. 8].

4. Выводы

Эффективность права – это соотношение цели правового регулирования и полученного положительного результата с учетом материальных затрат и юридического инструментария. Эффективность права можно определить по формуле: $\mathcal{E} = PO_2 - PO_1$, где PO_1 – исходные правоотношения, а PO_2 – состояние правоотношений на текущую дату.

¹ Закатнова А. Коррупцию поборют постепенно // Российская газета. 2002. 27 марта.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

СПИСОК ЛИТРАТУРЫ

1. Курылева В.Н. Эффективность уголовно-правовых норм / В.Н. Курылева // Бизнес в законе. – 2007. – № 2. – С. 114–117.
2. Толстопятенко Г.П. Европейское налоговое право (проблемы теории и практики): дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2001. – 317 с.
3. Зелепухин А.А. Законодательство в современной правовой жизни российского общества / А.А. Зелепухин // Правовая политика и правовая жизнь. – 2005. – № 4. – С. 61–66.
4. Общая теория права и государства: учеб. / под ред. В.В. Лазарева. – М.: Юрист, 1999. – 517 с.
5. Нерсесянц В.С. Теория права и государства / В.С. Нерсесянц. – М.: Норма, 2009. – 816 с.
6. Чечот Д.М. Эффективность правового регулирования и методы ее выявления / Д.М. Чечот, А.С. Пашков // Советское государство и право. – 1965. – № 8. – С. 3–11.
7. Фаткуллин Ф.Н. Социальная ценность и эффективность правовой нормы / Ф.Н. Фаткуллин, Л.Д. Чулюкин. – Казань: Изд-во Каз. ун-та, 1977. – 119 с.
8. Эффективность правовых норм / В.Н. Кудрявцев, В.И. Никитинский, И.С. Самощенко, В.В. Глазырин. – М.: Юридическая литература, 1980. – 280 с.
9. Проблемы эффективности работы управленческих органов / под ред. Ю.А. Тихомирова. – М.: Наука, 1973. – 439 с.
10. Пашков А.С. Эффективность действия правовой нормы (к методологии и методике социологического исследования) / А.С. Пашков, Л.С. Явич // Советское государство и право. – 1970. – № 3. – С. 40–48.
11. Шмаров И.В. Критерии и показатели эффективности наказаний / И.В. Шмаров // Советское государство и право. – 1968. – № 6. – С. 57–64.
12. Спиридонов Л.И. Теория государства и права / Л.И. Спиридонов. – М.: Проспект, 1999. – 304 с.
13. Жинкин С.А. Эффективность права: антропологическое и ценностное измерение: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / С.А. Жинкин. – Краснодар, 2009. – 41 с.
14. Лапаева В.В. Социология права / В.В. Лапаева. – М.: Норма, 2004. – 287 с.
15. Хорошильцев А.И. Эффективность права: понятие и особенности / А.И. Хорошильцев // Общество и право. – 2011. – № 2 (34). – С. 47–52.
16. Самощенко И.С. К методике изучения эффективности правовых норм / И.С. Самощенко, В.И. Никитинский, А.Б. Венгеров // Советское государство и право. – 1971. – № 9. – С. 70–78.
17. Сартаева Н.А. Правовой мониторинг уголовного законодательства: к вопросу о методологии / Н.А. Сартаева // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. – 2012. – № 2 (26). – С. 130–134.
18. Баранов В.М. Поощрительные нормы советского социалистического права / В.М. Баранов. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1978. – 143 с.
19. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии. Общая часть: в 2 т. / В.В. Лунеев. – М.: Юрайт, 2012. – Т. I. – 886 с.
20. Мордовец А.С. Проблема эффективности социально-юридического механизма обеспечения прав человека и гражданина / А.С. Мордовец // Правоведение. – 1996. – № 4. – С. 4–10.
21. Хабриева Т.Я. Экономико-правовой анализ: методологический подход / Т.Я. Хабриева // Журнал российского права. – 2010. – № 12. – С. 5–26.
22. Казимирчук В.П. Социальный механизм действия права / В.П. Казимирчук // Советское государство и право. – 1970. – № 10. – С. 37–44.
23. Тарасов Д.Ю. Теоретико-правовые аспекты экономической эффективности норм права / Д.Ю. Тарасов // Бизнес в законе. – 2015. – № 3. – С. 27–29.
24. Осипов М.Ю. Эффективность правотворчества, реализация права и правоприменения: понятие и соотношение / М.Ю. Осипов // Правоведение. – 2011. – № 1. – С. 83–92.
25. Лазарев В.В. Эффективность правоприменительных актов / В.В. Лазарев. – Казань: Изд-во Каз. ун-та, 1975. – 207 с.
26. Нестеров Д.О. Теория и практика реализации законности и правопорядка в деятельности органов исполнительной власти / Д.О. Нестеров // Пробелы в российском законодательстве. – 2012. – № 3. – С. 43–46.

27. Попов И.В. Преступления против природной среды: теоретические основы и практика применения: дис. ... д-ра юрид. наук / И.В. Попов. – Екатеринбург, 2014. – 451 с.

REFERENCES

1. Kuryleva V.N. The effectiveness of criminal law. *Biznes v zakone = Business in law*, 2007, no. 2, pp. 114–117. (In Russ.).
2. Tolstopyatenko G.P. *European tax law (problems of theory and practice)*, Doct. Diss. Moscow, 2001. 317 p. (In Russ.).
3. Zelepukhin A.A. Legislation in the modern legal life of Russian society. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn' = Legal policy and legal life*, 2005, no. 4, pp. 61–66. (In Russ.).
4. Lazarev V.V. (ed.). *General theory of state and law*. Moscow, Yurist Publ., 1999. 517 p. (In Russ.).
5. Nersesyants V.S. *Theory of law and state*. Moscow, Norma Publ., 2009. 816 p. (In Russ.).
6. Chechot D.M., Pashkov A.S. Efficiency of legal regulation and methods of its detection. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet State and Law*, 1965, no. 8, pp. 3–11. (In Russ.).
7. Fatkullin F.N., Chulyukin L.D. *Social value and effectiveness of the legal norm*. Kazan, Kazan State University Publ., 1977. 119 p. (In Russ.).
8. Kudryavtsev V.N., Nikitinskii V.I., Samoshchenko I.S., Glazyrin V.V. *The effectiveness of legal norms*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1980. 280 p. (In Russ.).
9. Tikhomirov Yu.A. (ed.). *Problems of the effectiveness of the work of management bodies*. Moscow, Nauka Publ., 1973. 439 p. (In Russ.).
10. Pashkov A.S., Yavich L.S. The effectiveness of the legal norms (to the methodology and methodology of sociological research). *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet State and Law*, 1970, no. 3, pp. 40–48. (In Russ.).
11. Shmarov I.V. Criteria and indicators of the effectiveness of punishments. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet State and Law*, 1968, no. 6, pp. 57–64. (In Russ.).
12. Spiridonov L.I. *Theory of State and Law*. Moscow, Prospekt Publ., 1999. 304 p. (In Russ.).
13. Zhinkin S.A. *Efficiency of law: anthropological and value measurement*, Doct. Diss. Thesis. Krasnodar, 2009. 41 p. (In Russ.).
14. Lapaeva V.V. *Sociology of law*. Moscow, Norma Publ., 2004. 287 p. (In Russ.).
15. Horoshiltsev A.I. The effectiveness of law: the concept and features. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2011, no. 2 (34), pp. 47–52. (In Russ.).
16. Samoshchenko I.S., Nikitinskii V.I., Vengerov A.B. Towards a methodology for studying the effectiveness of legal norms. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet State and Law*, 1971, no. 9, pp. 70–78. (In Russ.).
17. Sartaeva N.A. Legal monitoring of criminal legislation: on the issue of methodology. *Vestnik Instituta zakonodatel'stva Respubliki Kazahstan = Bulletin of the Institute of Legislation of the Republic of Kazakhstan*, 2012, no. 2 (26), pp. 130–134. (In Russ.).
18. Baranov V.M. *Incentive norms of Soviet socialist law*. Saratov, Saratov State University Publ., 1978. 143 p. (In Russ.).
19. Luneev V.V. *The course of world and Russian criminology. A common part*, Vol. 1. Moscow, Yurait Publ., 2012. 886 p. (In Russ.).
20. Mordovets A.S. The problem of the effectiveness of the socio-legal mechanism for ensuring the rights of man and citizen. *Pravovedenie = Legal Science*, 1996, no. 4, pp. 4–10. (In Russ.).
21. Khabrieva T.Ya. Economic and legal analysis: a methodological approach. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian law*, 2010, no. 12, pp. 5–26. (In Russ.).
22. Kazimirchuk V.P. The Social Mechanism of the Law. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet State and Law*, 1970, no. 10, pp. 37–44. (In Russ.).
23. Tarasov D.Yu. Theoretical and legal aspects of the economic efficiency of law. *Biznes v zakone = Business in law*, 2015, no. 3, pp. 27–29. (In Russ.).
24. Osipov M. Effectiveness of lawmaking, the realization of the right and law enforcement: perception and ratio. *Pravovedenie = Legal Science*, 2011, no. 1, pp. 83–92. (In Russ.).
25. Lazarev V.V. *Effectiveness of enforcement acts*. Kazan, Kazan University Publ., 1975. 207 p. (In Russ.).

26. Nesterov D.O. Theory and practice of implementation of law and order in the activities of the executive bodies. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in the Russian legislation*, 2012, no. 3, pp. 43–46. (In Russ.).

27. Попов I.V. *Crimes against the natural environment: theoretical basis and practical application*, Doct. Diss. Yekaterinburg, 2014. 451 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рыбаков Владимир Алексеевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права

Омский государственный университет

им. Ф.М. Достоевского

644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а

e-mail: vladimir-40@mail.ru

SPIN-код: 6914-5474; AuthorID: 679506

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Vladimir A. Rybakov – Doctor of Law, Associate Professor; Professor, Department of Theory and History of State and Law

Dostoevsky Omsk State University

55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

e-mail: vladimir-40@mail.ru

RSCI SPIN-code: 6914-5474; AuthorID: 679506

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Рыбаков В.А. Критерии определения эффективности права / В.А. Рыбаков // *Правоприменение*. – 2019. – Т. 3, № 2. – С. 5–13. – DOI: 10.24147/2542-1514.2019.3(2).5-13.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Rybakov V.A. Criteria for determining the effectiveness of the law. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2019, vol. 3, no. 2, pp. 5–13. DOI: 10.24147/2542-1514.2019.3(2).5-13. (In Russ.).